

ЗОЯ

ПЕТУХОВА

ЯКУТСКАЯ СТЕПНАЯ
ДУМА (1827–1838 ГГ.)

Зоя Петухова

**Якутская Степная
Дума (1827–1838 гг.)**

«Айар»

2007

Петухова З. И.

Якутская Степная Дума (1827–1838 гг.) / З. И. Петухова —
«Айар», 2007

ISBN 978-5-7696-6106-8

В монографии освещается деятельность Якутской Степной Думы в контексте реализации либеральных реформ М.М. Сперанского в Сибири, определение ее роли в становлении государственности Якутии, дается характеристика либеральных деятелей Н.И. Мягкова, И.Е. Мигалкина, Н.О. Рыкунова. Издание предназначено для историков, этнографов и всех, кто интересуется отечественной историей.

ISBN 978-5-7696-6106-8

© Петухова З. И., 2007

© Айар, 2007

Содержание

Лидер Степной Думы и лидер своего народа	6
Введение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Зоя Петухова
Якутская Степная Дума
Монография

* * *

Лидер Степной Думы и лидер своего народа (вместо предисловия)

В истории Якутии, богатой на события, были периоды, когда возникали и существовали особые формы общественно-политической организации, сыгравшие выдающуюся роль. В 1827 г. на волне сибирских преобразований генерал-губернатора М.М. Сперанского, связанных с введением положений «Устава об управлении сибирских инородцев» 1822 г., была создана Якутская Степная Дума. Примечательно, что правительство, учреждая степные думы у кочевых инородцев: бурят, хакасов, якутов, преследовало цель приспособить подобные структуры (наравне с инородными управами и родовыми управлениями) к реальным историческим условиям: образу жизни, хозяйству, обычаям, а также к системе местного управления на национальных окраинах Российской империи.

Это был уникальный исторический опыт государственно-правового симбиоза между Империей и ее окраинами. К сожалению, в историографии был длительный период предвзятого отношения к деятельности Степных Дум, к этим начинаниям правительства, в целом. Успехи замалчивались, многие факты искажались. И, что очень обидно, деяния людей, причастных к этим преобразованиям, получали однозначно, негативную оценку. В советский период подобная тенденция была обусловлена идеологией классовой борьбы. Общество механически разделяли на антагонистические классы и всех, кто принадлежал к противоположному классу, например, к феодалам, огульно оценивали негативно.

В 1990-е гг. произошел отход от подобного отношения к историческому прошлому. Мы получили возможность беспристрастно изучать историю, а значит – и дела крупных исторических личностей. К таковым, безусловно, относится лидер Якутской Степной Думы, ее первый главный родоначальник, голова Борогонского улуса Иван Емельянович Мигалкин.

В те годы среди исследователей активно занимавшихся изучением деятельности Думы и ее видных членов выделялась своими статьями З.И. Петухова. Она работала в архивах Якутска, Иркутска и Санкт-Петербурга, выступала на научных конференциях. В ее трудах впервые роль И.Е. Мигалкина в истории Думы, но также в истории Якутии, в целом, предстала в новом свете. Ей удалось в 2006 г. написать и издать монографию, посвященную Якутской Степной Думе. Написанная на большом архивном материале, хорошим, занимательным слогом (автор – известный в республике журналист), книга имела широкий резонанс. На нее до сих пор ссылаются, в том числе ведущие историки, специалисты по истории самоуправления Якутии.

В этой книге собраны важнейшие, яркие сведения о разносторонней деятельности Думы. Хотя она просуществовала только 11 лет, в 1827–1838 гг., но оставила заметный след в истории. Это видно с самой первой страницы книги. Во-первых, практически все законодательные акты и связанные с ними делопроизводственные документы центральных и местных органов власти: «Уставы», «Указы», «Положения» и пр. были задействованы автором, некоторые из них вошли в книгу в качестве приложений.

Широк диапазон привлеченных документальных материалов, отражающих конкретные мероприятия Думы. Это не только судебные дела, мероприятия о сборе ясака и отнесении повинностей, статистические сведения. В различных разделах книги З.И. Петухова пишет о мерах, предпринятых Думой по поиску новых земель, перераспределении земли, организации депутации якутов к императору Николаю I. Она впервые поднимает вопросы о той жесткой борьбе, которую вели члены Думы против произвола чиновников областного управления, отстаивая права своего народа.

В книге очень ярко показана деятельность видных исторических личностей того времени: областного начальника Н.И. Мягкова и его соратников, в частности, чиновника по особым поручениям А.Я. Уваровского, думцев И.Е. Мигалкина, Н.О. Рыкунова и др.

2020 год – год 250-летия И.Е. Мигалкина. в этой связи вновь повышается актуальность данной книги. в наши дни деятельность лидеров Якутской Степной Думы служит примером самоотверженности и преданности своему делу – развитию основ самоуправления, на которых покоится национальное самосознание, воспитываются чувства гражданственности и патриотизма.

Андриан Борисов,
доктор исторических наук

Введение

В условиях поиска реальных путей демократизации российского общества, построения региональной политики государства, экономического и политического укрепления его окраин возникает необходимость переосмысления реформ, проведенных в России первыми либеральными государственными деятелями. в начале XIX в., в связи с подготовкой к реформам государственного устройства России и расширением всероссийского рынка, в складывании которого Сибирь, и Якутская область, в частности, играли активную роль, в 1822 г., был высочайше утвержден проект нового «Сибирского учреждения». в его состав вошел и «Устав о управлении инородцев» М.М. Сперанского, Г.С. Батенькова, который, по мнению исследователей, отличался высокой степенью либерализма. Сибирские реформы М.М. Сперанский собирался осуществить силами бюрократии, и именно в этом революционеры-демократы (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский) находили причину несостоятельности его преобразовательных планов в Сибири [1,219]. Другой подход для проведения административных реформ был разработан в отношении инородцев Восточной Сибири: он заключался в опоре на органы инородческого самоуправления, и поэтому здесь стало реальностью внедрение наиболее прогрессивных сторон «Устава о управлении инородцев» [2,58]. В частности, в Якутской области была создана инородческая Степная Дума – учреждение, расширившее и поднявшее степень самоуправления якутов в политическом и экономическом смысле еще на одну ступеньку выше, чем ранее существовавшее улусное самоуправление. Поскольку родоначальники тяготились властью местной администрации, то реформы, связанные с повышением уровня самоуправления, им только приветствовались. Роль Степной Думы в распространении либеральных реформ Сперанского в Якутии до сих пор точно не обозначена.

Освоение всего Северо-Востока и Тихоокеанского побережья России во многом зависело от благосостояния якутов, от состояния их коневодства и слаженной работы органов самоуправления, занимавшихся организацией грузоперевозок. Охотск являлся первым российским портом на Тихом океане, основание и содержание которого в течение двух веков целиком легло на плечи якутов в форме тяжелейшей внутренней повинности. Лидеры Степной Думы это вполне осознавали и добивались расширения политических и экономических прав якутов, опираясь на набирающее обороты общественное движение. в этом плане данная тема представляется востребованной в контексте изучения истории возникновения и развития общественно-политического движения якутского народа.

Деятельность Якутской Степной Думы до сих пор рассматривалась однобоко, только со стороны марксистско-ленинской методологии, на основе классового подхода. От того и проигнорированы не только ее роль в проведении либеральных реформ М.М. Сперанского в Якутии, в решении земельного вопроса, в проникновении элементов буржуазных отношений в экономику края, и, как следствие, в развитии института самоуправления якутского народа. Все эти вопросы требуют переосмысления и более подробного рассмотрения.

В современных условиях изучение деятельности Якутской Степной Думы (1827–1838 гг.), ее роли в организации жизни якутского общества, вклада в развитие Якутии, является актуальной проблемой в научном и практическом отношении. в настоящее время в Якутии, так же как и в других субъектах федерации, действует институт местного самоуправления, остро нуждающийся в изучении исторического опыта деятельности органов местного самоуправления, особенно Якутской Степной Думы, сделавшей многое в организации внутренней жизни якутского общества.

Объектом исследования является история учреждения и деятельности Якутской Степной Думы, как первого органа самоуправления на уровне административного округа, реализовавшего положения «Устава о управлении инородцев» и распространившего принципы либеральных реформ М.М. Сперанского в Якутии. Последние имели громадное прогрессивное значение в плане пробуждения этнического, общественного, политического самосознания якутского народа.

Цель исследования: определение роли Степной Думы и ее лидеров в истории якутского народа в первое тридцатилетие XIX в.

Задачи:

1. Показать основные исторические этапы борьбы якутов за самоуправление.
2. Проанализировать содержание проектов преобразований в системе управления Якутской области.
3. Раскрыть направление общественного движения якутов в рассматриваемое время.
4. Раскрыть принципы взаимодействия Степной Думы с областной администрацией и земским судом.
5. Изучить основные направления деятельности Степной Думы.
6. Определить историческое значение Якутской Степной Думы в социально-экономической и общественной жизни Якутии XIX в.

Территориальные рамки работы охватывают Якутскую область, в основном Якутский округ, в пределах которого развернулась деятельность Якутской Степной Думы.

Хронологические рамки исследования обусловлены временем возникновения общественного движения якутов и распространения административных реформ М.М. Сперанского в Якутии, в рамках которой учредилась и работала Якутская Степная Дума – конец XVIII и первое тридцатилетие XIX вв.

Методологическую основу составили принцип историзма (соблюдение хронологии событий, оценка фактов в определенных условиях, установление причинно-следственных связей исследуемых событий) и объективности: аспекты системного подхода, принципы, законы и категории диалектики. За основу взят проблемно-хронологический метод исследования.

Научная литература представлена статьями, монографиями, рецензиями, очерками. Источниковый материал представляет собой две равнозначные категории: опубликованные в сборниках документов и неопубликованные, находящиеся в фондохранилищах архивов различных ведомств, научных учреждений.

В 1994 г. вышел сборник «Памятники права Саха (Якутия)» [2, 58] под редакцией М.М. Федорова. в нем опубликованы документы, составленные якутами в конце XVIII – начале XIX вв.: «План о якутах с показанием казенной пользы и выгоднейших положений для них» [2, 44] головы Борогонского улуса Алексея Ивановича Аржакова и им же врученный императрице Екатерине II; записи «О законах и обычаях инородцев Олекминского ведомства» [2, 101], то же Верхоянского [2, 109], Якутского [2, 119] округов, составленные в 1823 г., а также «Записка о законах и обыкновениях, издревле существующих у якутов Якутской области и округа» [2, 154], составленная якутскими депутатами И. Мигалкиным, С. Кириллиным, Н. Рыкуновым в г. Иркутске в 1824 г. Изучение этих материалов дает представление о всех сферах жизни якутского общества на рубеже веков, а также о деятельности органов улусного самоуправления, о степени общественно-правовых представлений у якутов на рубеже XVIII–XIX вв. в том же сборнике издан «Устав о управлении инородцев» 1822 г., действовавший в Якутской области до установления советской власти и в рамках которого была создана Якутская Степная Дума. Временные рамки составления вышеназванных документов охватывают лишь историю учреждения Степной Думы Якутского округа и не отражают ее деятельность. в связи с этим исследование неопубликованной части архивных источников имеет для нас основополагающее значение.

Нами использованы материалы из архивов Санкт-Петербурга, Иркутска и Якутска. в Российском государственном историческом архиве (СПб.) хранятся: отчет генерал-губернатора Восточной Сибири о внедрении Сибирского учреждения за 1822–1824 гг. [3, д. 47], рапорт в Сенат Сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского об отправлении тягости посредством подряда с 1810 г., датированное 10 ноября 1820 г. [14, д. 89], отчет работы Второй ясачной комиссии, проведенной в Сибири [15, д. 1046], за 1828–1830 гг. Кроме того, в делах Департамента полиции исполнительной нами обнаружено дело от 1825 г. о назначении Н.И. Мягкова Якутским областным начальником, в котором имеется его формулярный список. в делах I-го Сибирского Комитета хранится письмо родоначальников 7 улусов Якутской области, членов Якутской Степной Думы, на имя М.М. Сперанского, в защиту областного начальника Н.И. Мягкова [16, д. 377]. Об остроте ситуации, связанной с внедрением «Устава о управлении инородцев», свидетельствует донос отставного чиновника Гавриила Кривошапкина на членов Якутского областного правления и на Степную Думу в Сибирский Комитет [7, д. 68]. Участие якутов в составлении свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири отражено в «Замечании по Своду степных законов, составленных в Якутской Степной Думе» [8, д. 284]. Вся история с подготовкой якутской депутации в Санкт-Петербург в интерпретации царских чиновников содержится в «Деле о депутации, составленном в Министерстве Внутренних Дел от 10 июля 1837 г.» [9, д. 376]. Нами подробно рассмотрено и «Дело об ограничении торговли якутов от 8—13 февраля 1836 г.» [10, д. 379] и «Дело о запрещении якутам торговли» Департамента разных податей и сборов [11, д. 802]. Представляет определенный интерес и дело об упразднении Сибирского комитета от 12 января 1838 г., где, в частности, имеется письмо А.Н. Голицына об отстранении М.М. Сперанского от работы над сводом степных законов [12, д. 48]. Это не полный перечень дел рассмотренных в фондах Сибирского Комитета.

В архиве Института Востоковедения Академии наук РФ хранится реферат Н.А. Виташевского «К вопросу о выгоде для якутского населения перевозки казенных кладов в конце прошлого и начале нынешнего столетия», относящийся примерно к 1894 г. [12, д. 55] и имеющий прямое отношение к теме нашего исследования.

В фондах Государственного архива Иркутской области хранятся документы о проведении административной реформы с учреждением Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, в состав которого вошла Якутская область. Нами изучены дела об учреждении и реорганизации Степных Дум, инородных управ и родовых управлений [14, ф. хр. 29153]. Фонды Иркутского губернского управления содержат документы об учреждении в 1822 г. у бурят и эвенков, согласно «Уставу об управлении инородцев», Степных Дум, представлявшие собой высшую и административную единицу в пределах ведомости.

В фондах Главного управления Восточной Сибири [16, д. 1317] выявлена переписка генерал-губернатора С.Б. Броневского с шефом III отделения собственного его императорского величества канцелярии А.Х. Бенкендорфом, продолжившаяся с августа 1836 г. по февраль 1837 г., о необходимости усиления жандармского контроля над областью и назначении в Якутск и Кяхту жандармских штаб-офицеров.

В делах СОРГО просмотрены бумаги членов Сибиряковской экспедиции (1894–1897 гг.) Л.Г. Левенталь и Н.А. Виташевского [17, д. 466]. Левенталь, как представитель революционного народничества, в частном письме, датированном 2 августа 1895 г., выражает свое неприятие расширения всевластия родоначальников в якутских улусах вследствие применения статей 27 и 310 «Устава о управлении инородцев», «коиими распределение земли и повинностей предоставлено внутренним распорядкам самих обществ» [18, д. 466].

Среди материалов, собранных Н.А. Виташевским, представляют интерес документы конца XVIII в. относительно организации извоза и расчетов по ним [18, д. 466]. Кроме того, полемизируя с Л.Г. Левенталем по предмету земельного устройства якутов, сохранившегося, как полагает Левенталь, до 1894 г. «таким же, каким оставили его Устав 1822 г. и II Ясачная

Комиссия», Виташевский приводит Сенатское решение о праве якутов на землю от 31 мая 1893 г., указывающее «что все земли в названной области, находящиеся ныне в пользовании инородцев, а равно и право распоряжения этими землями, должны принадлежать казне, от которой зависит уже, впредь до окончательного устройства местных инородцев, отводить часть тех земель в надел другим лицам» [18, д. 476]. в споре о земельном обустройстве якутов остается актуальным вопрос о роли Степной Думы Якутского округа в урегулировании этой проблемы.

Наиболее ценные материалы, отражающие цепь событий, фактов, связанных с деятельностью Якутской Степной Думы, хранятся в фондах Национального архива Республики Саха (Якутия). в документах, касающихся закрытия Думы, конкретно указан перечень дел, переданных в архив Якутского областного правления [19, д. 516]. Однако, при рассмотрении фонда «Якутской инородческой Степной Думы» под № 520-й в нем оказалось всего 13 дел. Остальные были изъяты из фонда в неустановленное время. Поэтому выявление необходимого фактологического материала осуществлялось в фондах Борогонского – Ф.31, Кангаласского – Ф.39, Намского – Ф.44, Мегинского – Ф.43, Батурусского – Ф.29, Баягантайского – Ф.30 и Дюпсинского – 36 инородных управ, а также земского суда (Ф.180), окружного казначейства (Ф.349), областного стряпчего (Ф.13) и областного правления (Ф.12). в фондах Вилюйского окружного управления (Ф.22) нами изучено дело о стремлении Мархинской инородной управы учредить в Вилюйском округе Степную Думу в 1825 г.

В совокупности все опубликованные и неопубликованные источники обладают достаточной информационной насыщенностью и представляют собой довольно представительную источниковую базу для исследования поставленной научной проблемы.

Научную литературу по данной теме автор находит целесообразным разделить на группы по хронологическим и соответствующим им идейно-методологическим подходам.

В первую группу входят свидетельства самих участников событий в форме мемуаров, воспоминаний, путевых записей начала XIX в. и т. д. в них отражено непосредственное отношение самих участников событий (сторонников и противников) к реформам. Свидетельства времен Николая I характеризуются деликатным отношением к оценке событий и людей. К ним относятся, во-первых, «Воспоминания» чиновника по особым поручениям Якутского областного правления А.Я. Уваровского, принимавшего участие в организации и работе Якутской Степной Думы. Материал опубликован в качестве приложения к труду О.Н. Бетлингга о «О языке якутов» в 1848 г. в нем автор, всецело принявший либерализм «Устава о управлении инородцев», что подразумевается из его слов: «Из желания добра якутскому народу и отметив смелую и сильную позицию нового начальника, я возвратился в Якутск» [21, д. 146], дает краткую и емкую характеристику деятельности областного начальника Н.И. Мягкова, не называя его по фамилии: «Когда новый начальник прибыл в Якутск, он увидел много нарушений, по этой причине он сменил нескольких чиновников. Сам он, полный сил и здоровья, работал до изнеможения на протяжении 6–7 лет во имя будущего благополучия якутов. Годы его работы якут считал своим счастьем» [21, 146]. Письмо 101 родоначальника на имя М.М. Сперанского да и дальнейшее изучение деятельности Степной Думы подтверждают верность суждений А.Я. Уваровского.

Эзопова языка, при упоминании о Н.И. Мягкове, придерживается и другой именитый корреспондент, декабрист А.А. Бестужев-Марлинский. «Начальника нашей области ты, вероятно, знаешь. Человек справедливый, запоздавший в мнениях воеводства, но самый неловкий в самом желании делать добро, особенно в формах его оказывать к месту и впору. У него бываю очень редко», – пишет он в письме своему брату в Читу в августе 1828 г. из Якутска [22, 39]. в годы общественного подъема и во время становления Степной Думы (с декабря 1827 г. по июнь 1829 г.) он находился в ссылке в Якутске внимательно наблюдал за всеми событиями, происходящими в крае, давал им соответствующие оценки [23, 179]. Причем, по мысли декаб-

ристов, чьим идеям Бестужев-Марлинский остался верен и в ссылке, «программа экономического преобразования края по существу должна была включить Северо-Восток, его коренных жителей в русло буржуазного развития Сибири, слабые признаки которого были замечены уже в первой половине XIX в.» [23, 182].

С буржуазным развитием Сибири связывал будущее инородцев и соавтор «Устава об управлении инородцев соавтор» будущий декабрист Г.С. Батеньков. Он «выработал особый подход к сибирским народам, смысл которого проявился в заботе о приближении их к русской цивилизации» [23, 183].

Сочинения И.Д. Булычева (Путешествие по Восточной Сибири. СПб, 1856), Н.С. Щукина (Поездка в Якутск, СПб, 1844), А. Мартоса (Письма из Сибири, М. 1827), Ф.П. Врангеля (Путевые заметки, 1884) содержат не только богатый фактический материал, но и отражают восприятие частью чиновничества происходящих преобразований. в фундаментальном исследовании А.Ф. Миддендорфа «Путешествие на север и восток Сибири» (СПб, 1860–1878 гг.) имеется интересное наблюдение о неадекватности установленного «Уставом» общественного статуса якутов: «... якуты несправедливо подведены под приуроченные к детскому состоянию особые законы, изданные для кочующих народов, а могли, и даже могли быть подчинены общим узаконениям государства» [24, 758]. Все перечисленные сочинения ценны тем, что написаны по горячим следам событий и передают атмосферу общественной жизни через восприятие самих свидетелей и участников событий. При изучении этих материалов следует учесть субъективность авторов.

Правительственный взгляд на сибирские реформы М.М. Сперанского, в том числе на несвоевременность и бесполезность составления свода степных законов, сформировавшийся в николаевское время, отражает исследование барона И.И. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (СПб., 1861).

На несколько иных позициях стоит В.И. Вагин («Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири», СПб. 1872). Представляет интерес прилагаемое В.И. Вагиным воспоминание Н.П. Булатова, который положительно отзывался о созданных Сперанским губернских советах и открыто подчеркивал, что М.М. Сперанский был либерал [25, 569]. в целом, позитивно откликаясь о сибирской деятельности Сперанского, автор утверждает, что «Сперанский, обращавший на них (инородцев.—П.З.) самое тщательное внимание» [25, 193], планировал дать особые законы управления для хоринских бурят, что впоследствии привело к созданию общего учреждения об управлении инородцами Сибири». Развивая вышесказанное он напоминает и о роли своеобразных инородческих органов управления, Степных Дум, утверждая, что «следы этой мысли остались в учреждении Степных Дум, как особого хозяйственного управления над несколькими родами» [25, 193]. Таким образом, В.И. Вагин отмечает, что М.М. Сперанский поставил кочевых инородцев в особое положение, установив для них более совершенную систему управления, близкую к управлению русскими государственными крестьянами, но учитывающую их национальное своеобразие. в своем сочинении, подчеркивая прогрессивность реформ М.М. Сперанского как выдающегося события в сибирской истории, В.И. Вагин не обошел и его слабые стороны, такие как обюрокращивание реформ, которое, и привело к замедлению темпов преобразований и к их свертыванию.

В опубликованный по материалам Сибиряковской экспедиции (1894–1897 гг.) сборник «Материалы по обычному праву и общественному быту якутов» (Л.1929) было внесено исследование Д.М. Павлинова «Об имущественном праве якутов» [26, 3–6]. Автор статьи, назначенный на должность прокурора Якутского окружного суда, прибыл в Якутск из России в конце 60-х гг. и выехал в 1876 г. Д.М. Павлинов, впервые в научной литературе, кратко и объективно раскрывает факт существования Якутской Степной Думы с 1825–1838 гг. Причем, наиболее важной стороной деятельности Думы, считает сосредоточение в ней расчетов с казною по подрядам на грузопоставки якутов Якутского округа. К функциям он причисляет и сбор ста-

тистических сведений, и заботу об улучшении быта якутов. Закрылась Дума, как утверждает автор, по воле Главного управления Восточной Сибири, нашедшего ее учреждение незаконным. Интересно то, что им, профессиональным юристом, ознакомившимся с архивом окружного суда, игнорируются, дела о депутатской сумме и дело о якобы незаконной торговле главного родоначальника. Д.М. Павлинова можно считать первым апологетом Якутской Степной Думы.

На Степную Думу, как на учреждение для управления инородцев, правда, как на «требуемое уставом новое учреждение» [27, 402], обратил свое внимание ссыльный народник Л.Г. Левенталь в исследовании «Подати, повинности и земля у якутов», вошедшем в тот же сборник. в нем деятельность Якутской Степной Думы рассматривается односторонне, как защитницы интересов феодальной верхушки якутского общества. При этом игнорируются тенденции общеэкономического развития края в русле проникновения капиталистических отношений. Резонно, что народник Левенталь, специализировавшийся на изучении податей и повинностей якутов, не оценил значения перевода грузопоставок с внутренней повинности на подрядную основу с финансовым обеспечением из центра, а не за счет якутских обществ. Ведь этот порядок принес значительное облегчение не одним родоначальникам, а всем слоям инородческого населения. При освещении учреждения и деятельности Степной Думы автор явно игнорирует значение либеральных реформ М.М. Сперанского, внедрения «Устава об управлении инородцев», борьбы за реализацию гражданских прав и политических устремлений самих якутов. При изучении деятельности Якутской Степной Думы ярко проявилась идейная установка самого исследователя Л.Г. Левенталья как революционера-народника. в письме Н.А. Виташевскому он упоминает о губернаторе Скрыпицыне, который с особенным вниманием относился к его программе «Подати, повинности и земля у якутов». Актуальность программы Левенталья рассматривалась в контексте попыток преобразований по уравнительному распределению земельного фонда инородцев, предпринятых в конце XIX века вышеназванным губернатором [28, д. 466]. Н.А. Виташевский прямо пишет, что «Л.Г. Левенталь руководился при этом и указаниями местной администрации», в целях «выработки оснований для упорядочения системы якутского землепользования и обложения» [29, д. 476]. в свете всего вышесказанного, исследование Левенталья, особенно та часть, которая относится к изучению деятельности Якутской Степной Думы, требует более внимательного подхода в смысле научной объективности.

Вслед за Л.Г. Левенталем вопросами инородческого самоуправления заинтересовались политссыльные Э.К. Пекарский и Г.Ф. Осмоловский. в их статье «Развитие якутского общественного управления под влиянием русской власти» [30, 1—48], опубликованной в 1895 г., поставленная проблема рассматривалась со времен вхождения Якутии в состав Российского государства. Авторы приходят к выводу, что высшее правительство «относилось к ним вполне гуманно, старалось защищать их по мере сил от произвола низшей местной администрации и грубой эксплуатации русских торговых людей, открывало широкий простор для самостоятельности якутов в их внутренних отношениях, предоставив им судиться и распределять между собою земельные участки по их собственным обычаям и, наконец, привив к якутской жизни довольно успешно выборное начало, дало якутам законное средство в их борьбе с выродившейся родовой аристократией». Авторы связывали все вышесказанное с действием Устава: «В виду того, что устав 1822 г. ...продолжает действовать и по настоящее время, оценка его значения и влияния на жизнь якутских обществ находится в такой тесной связи с изучением самых важнейших сторон этой жизни, что должна составить предмет специального исследования» [30, 46]. Так, возможно, в угоду политической конъюнктуре, авторами игнорируется такая «важнейшая сторона этой жизни», как Степная Дума, и ее роль как промежуточного, действующего звена между благодетелем («высшей властью») и «произволом низшей местной администрации». Кроме того, Пекарский и Осмоловский относят учреждение Степной Думы

к 1825 г., и ее 13-летнее функционирование необоснованно считают «незаконным, вопреки Уставу 22 июля 1822 г.» [30, 44].

Историей якутского самоуправления интересовались якутские общественные деятели В.В. Никифоров, Е.Д. Николаев и А.Е. Кулаковский. в частности, Никифоров в статье «Материалы к истории Якутского самоуправления» [31, 26] утверждал, что «еще во второй половине XVIII в. якуты... единственным для себя спасением признавали предоставление им самоуправления, объединяющего всех их под одним управлением». в 1883 г. просвещенный голова Батурусского улуса Егор Николаев, присутствовавший на коронации Александра III, сумел вручить министру внутренних дел Российской империи графу Д.А. Толстому докладную записку о нуждах своих земляков [32, 26]. в ней он ходатайствует о возвращении якутам Степной Думы, «неизвестно по какой причине» упраздненной в 1830-х гг., по сути «являющейся тем же земским самоуправлением» [32, 32].

В советской историографии данная тема была освещена идеологически предвзято, ее интерпретация сильно политизирована и просеяна через догматы марксистско-ленинского учения, деятельность Думы раскрыта однобоко, выборочно. в целом, советские историки, расширив объем фактического материала, тем не менее, не шли дальше исследователей-народников. Одними из первых «Устав о управлении инородцев» и историю Якутской Степной Думы рассмотрели С.В. МБахрушин, С.А. Токарев, А.П. Окладников, О.В. Ионова. С.В. МБахрушин дал высокую оценку «Уставу о управлении инородцев», подчеркнув его прогрессивное, цивилизирующее значение в отношении инородцев [33, 87–89, 90–91]. Ученый отметил стремление «Устава» охранить не только экономическое благосостояние, но и самобытный строй туземцев. За что подвергся критике со стороны некоторых советских исследователей. С.А. Токарев подчеркивал немаловажный факт, заключающийся в том, что Якутская Степная Дума была создана по особым ходатайствам тойонов и подчинена была только областному начальнику и правлению, кроме того, Степная Дума не сделала никаких уступок в землепользовании [34, 143].

А.П. Окладников, подчеркивая прогрессивность Сибирского учреждения, и, отметив, что прогрессивные круги высоко оценили проведенные преобразования, особый акцент сделал на то, что эти круги считают, что новые законы «предоставили народам, населяющим пространную Сибирь, управляться своими собственными законами» [35, 2]. Еще ранее, при освещении истории Якутии, он о Степной Думе отзывается как о политической организации тойоната, и подчеркивает, что ее ликвидация «нанесла сильный удар по политическим устремлениям тойоната», но не подорвала власти тойонов в якутских улусах [36, 178].

Особое место в изучении данной проблемы занимают исследования сибирских ученых Л.И. Светличной, В.Г. Карцова, А.В. Ремнева и Л.М. Дамешек. Позиция ученых, в советское время подчеркивавших прогрессивность «Устава о управлении инородцев», распространялась и на отношение их к реформам степного управления кочевых инородцев. в частности, Л.И. Светличная в исследовании «Преобразовательные планы и административная деятельность М.М. Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.)» подчеркивает прогрессивность «Устава о управлении инородцев» для кочевых инородцев Восточной Сибири, выразившуюся в «поддержке в хозяйстве инородцев тех новых начал, которые зарождались под влиянием сибирской экономики». Такими новыми началами были товарно-денежные отношения, дальнейшая феодализация инородческого хозяйства, расширение полномочий органов самоуправления и т. д. Правда, Л.И. Светличная тут же, поправляет себя, подчеркивая, что «некоторые уступки Сперанского феодально-родовой знати все же нельзя считать за ведущее начало «Устава» [37, 210]. Впрочем, исследователь не отрицает того факта, что в результате применения «Устава» положение коренного населения Сибири все же оказалось лучше. Л.И. Светличная, в подтверждение своей мысли, приводит данные демографического роста на примере бурят и якутов: «Численность бурятского населения с 1817 по 1839 гг. увеличилась с 53730 душ до 83018 душ,

якутского – с 56000 душ в 1820 г. до 81119 душ в 1839 году» [37, 234]. в целом, в исследовании Светличной, впервые в советской историографии, адекватно освещается прогрессивное влияние «Устава об управлении инородцев» на инородцев Восточной Сибири.

Строгие рамки марксистско-ленинской методологии не позволили открыто выразиться и другим советским исследователям. В.Г. Карцов в обстоятельном исследовании о декабристе Г.С. Батенькове признается, что в отношении «Устава об управлении инородцев» Сибири авторство Г.С. Батенькова «мы можем утверждать лишь весьма условно» [38, 97]. Вслед за А.П. Окладниковым, он в самой разработке «Устава» находит прямое влияние идей декабризма: «Все основные положения Устава в большей или меньшей степени перекликаются с соответствующими воззрениями декабристов» [38, 92]. Так, по утверждению В.Г. Карцова, П.И. Пестель принял основные идеи, выраженные Г.С. Батеньковым в «Уставе», и запечатлел их в «Русской правде». И в самом деле, конгениальность «Устава» в «Русской правде» не может подвергаться сомнению. Однако, ограничение вмешательства во внутреннюю жизнь инородцев Сибири со стороны местной администрации и полиции, а также поощрение выборного начала в инородческой системе самоуправления В.Г. Карцов связывает не с принципами федерализма, а с «глубоким знанием сибирского чиновничества» [38, 101]. Такого рода регионализм должен был осуществляться лишь сильными личностями. в условиях самодержавно-феодального строя, как утверждает В.Г. Карцов, реформаторы «надеялись на внесение известных поправок в «Сибирское учреждение» со стороны лиц, проводящих его в жизнь на месте». Подобные надежды, по всей вероятности, были возложены на Якутского областного начальника Н.И. Мягкова. Что касается деятельности Степных Дум, то Карцов считает, что они к организации сборов «никакого касательства не имеют», хотя «распределяют подати по родам». Автор, вслед за Светличной, утверждает, что «Устав» лишает степные думы административных прав.

Ошибочность этих рассуждений доказал Г.П. Башарин, автор фундаментального труда по истории аграрных отношений в Якутии. Автор рассмотрел по отдельности внедрение «Устава» и структуру и деятельность «тойонской Степной думы». С выводом Г.П. Башарина, что в результате применения «Устава» представители тойонского класса были наделены «широкой политической, административной и судебной властью» [39, 163], нельзя не согласиться. Автор, при изучении аграрного вопроса и развития внутренней торговли в изучаемый нами период, не подчеркивает значение роли Думы в сохранении и дальнейшем развитии феодального землепользования и роль извозных денег в развитии внутренней торговли, что было закономерно в рамках марксистско-ленинской методологии. Однако Г.П. Башарин в рамках данной парадигмы определяет и область задач, которые важны и сущностны для будущих исследователей: «Дума стремилась всемерно усилить политическое и экономическое господство тойонов над «инородцами», добиться безраздельной эксплуатации земельного фонда и трудящихся Якутии и обеспечить господство тойонов на внутреннем рынке» [37, 167]. Исследование в заданном контексте помогло бы раскрыть в целом прогрессивную роль Думы в истории якутского народа в данный период его развития.

Дальнейшее глубокое изучение темы административного обустройства Сибири осуществили советские сибиреведы А.В. Ремнев и Л.М. Дамешек.

В свете разработки нашей проблемы мнение Л.М. Дамешка о бесполезности кодификации степных законов «в том плане, как это предусматривалось правительством» на том основании, что она привела бы к консервации патриархально-родовых отношений в условиях сближения русского и коренных народов, представляет интерес и призывает к дальнейшим размышлениям [40, 127]. Ведь периметр обычного права не ограничивается отражением патриархально-родовых отношений, в нем задействованы куда более глубокие параметры этнической истории народов. И нет гарантии, что они не подверглись бы дальнейшим изменениям, учитывая нарастающее влияние российских общегосударственных отношений. Анализируя «Устав»,

автор приходит к выводу, что правительство рассматривало коренное население Сибири как производительную силу, способную оказать определенное влияние на экономическое развитие региона [40, 138]. Бесспорно, эта мысль является для нашего исследования одной из основополагающих.

А.В. Ремнев анализирует реформу М.М. Сперанского в Сибири в свете общероссийских тенденций в организации государственного управления, попыток модернизации госаппарата за счет правовой регламентации [40, 20]. Но, по ряду причин, конституционные попытки начала XIX в. в России, по его мнению, не удались. При этом подчеркивается роль жандармского ведомства, которое, обличая сибирские беспорядки, стало проводником явно реакционных мер, направленных на отказ от принципов, например, заложенных в реформе Сперанского [41, 24]. в целом, выводы сибирских историков не оставляют сомнения в прогрессивности проведенных М.М. Сперанским сибирских реформ и их соответствующего влияния на общественную жизнь инородцев.

Постперестроечное время характеризуется активизацией исследований по изучению либерального наследия в политической истории России, в т. ч. и касательно административной реформы Сперанского в Сибири. в этом плане особую актуальность приобретает диссертационная работа казахского исследователя Ох Ду Юн «Реформы Сперанского: идеи и реальность» (1998 г.). в ней автор в числе аргументов, предложенных М.М. Сперанским для проведения реформ в Сибири, приводит ее промышленное развитие и превращение края в центр торговли с государствами Дальнего Востока. А это предполагает, во-первых, развитие внутреннего рынка ее окраин, которые нельзя представить без участия в нем и инородцев. Одним из причин неполной реализации планов М.М. Сперанского автор считает обширность пространств Сибири, неразвитость ее экономики и общественной жизни [42, 140]. Свидетельством прогрессивного характера преобразовательной деятельности Сперанского, по мнению Ох Ду Юн, являются его «Устав об управлении инородцев» и примыкающий к нему «Устав об управлении киргиз-кайсаков». Примечательно, как подчеркивает автор, что свобода предпринимательской деятельности для всех сибирских инородцев являлась результатом развития в Сибири капиталистических отношений, и в свою очередь содействовала их дальнейшему росту [42, 144]. Автор приходит к выводу, что в целом преобразовательные планы М.М. Сперанского в Сибири были реализованы в незначительной степени, из-за кратковременного его пребывания. Однако исключением являлись сохранение конституционного устройства Финляндии и реорганизация управления в Сибири [42, 152]. И это ставит перед нами задачу по-новому взглянуть на сущность реформ в исследуемой нами области.

В 2007 г. в Якутске изданы материалы научно-практической конференции, состоявшейся 3 апреля. в сборник включены статьи, посвященные вопросам истории и развития местного самоуправления в Якутии, в т. ч. и по истории якутской Степной Думы. Большой интерес представляют статья А.А. Борисова своим новым, современным подходом к оценке деятельности Якутской Степной Думы и статья Б.Б. Базарова и С.Ю. Даржаева, в которой содержится материал для сравнения деятельности двух дум – бурятской и якутской.

Борисов А.А. в статье «Деятельность Якутской Степной Думы в контексте общероссийских тенденций в организации управления первой половины XIX в.», опубликованной после первого издания монографии З.И. Петуховой «Якутская Степная Дума (1827–1838 гг.)» утверждает, что правительство осуществило дифференцированный подход в поиске форм организации власти на окраинах Российской империи от Польши, Финляндии до Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока.

Деятельность Якутской Степной Думы затрагивалась и другими авторами. Так, в историко-правовом исследовании О.Д. Максимовой отмечается, что дума явилась «интересным моментом в истории органов управления якутов», но ее деятельность «не увенчалась успехом», ибо, по мнению автора «якутские родоначальники добивались именно политических

прав по отношению к своим сородичам». С такой оценкой согласиться трудно, ибо Дума доби-
лась определенных успехов в других сферах жизнедеятельности якутского народа, о которых
речь идет в настоящей монографии.

В том же году издана монография автора данного исследования в котором на основе
новых методологических подходов подробно освещена деятельность Якутской Степной Думы
в контексте реализации либеральных реформ М.М. Сперанского в Сибири, определении ее
роли в укреплении института самоуправления у якутов, охарактеризовано участие либераль-
ных деятелей того времени Н.И. Мягкова, И.Е. Мигалкина, Н.О. Рыкунова и некоторых дру-
гих в её деятельности. в результате установлено, что Степная Дума умело сочетала государ-
ственные интересы и исходящие из внутренних потребностей развития, собственные интересы
якутского общества и она стала подлинным органом инородческого самоуправления, оказав-
шего значительное влияние на весь ход дальнейшей истории якутского народа.

Что касается Степных Дум, учрежденных в соответствии с «Уставом» у других ино-
родцев Сибири, то рассмотрена и литература советского периода, которая освещала историю
Степных Дум в рамках марксистско-ленинской методологии. в «Очерке истории селенгинских
бурят» (авторы Батуев Б.Б., Батуева И.Б.) отведено несколько строк селенгинской степной
думе, которая «подчинялась во всем окружным управлениям, т. е. царской администрации». А
про «Устав о управлении инородцев» отмечено, что «несмотря на кажущуюся видимость само-
управления инородцев, в уставе жестко регламентировались действия их администрации» [43].
Издание содержит большой фактологический и цифровой материал, который можно исполь-
зовать при условии строгого критического подхода.

Определенный интерес представляет исследование С.С. Балданова «Административное
управление Российского государства Бурятией (вторая половина XVII в. – 1917 г.)», изданное
в г. Улан-Удэ в 1998 г. в нем отмечаются современные методологические подходы в изучении
административной системы Бурятии в составе Российской империи. Отмечается эффектив-
ность Степных Дум в хозяйственном и культурном развитии, их роль в этнической консоли-
дации бурят. в частности тайша с учреждением Степных Дум сохранил те же полномочия и
«те же права и обязанности оказались у» Степной Думы. Более того, как и в Якутской Степной
Думе, бурятским Степным Думам предписаны, как считает Балданов, вопреки положениям
законодательства, административно-правовые и судебные функции, наряду с хозяйственными
[44, 17–32]. Положительным явлением, по мнению автора, стало ведение соплеменников к
оседлости через новые формы хозяйствования. Ликвидация Степных Дум Иркутской губернии
проводилась с 1886 по 1890 гг., а в Забайкалье – с 1901 по 1903 гг. Связывая эти мероприятия,
проводимые царизмом с целью скорейшей русификации аборигенов края, автор утверждает,
что, ликвидируя Степные Думы, губернское правление добивалось уничтожения относитель-
ной самостоятельности тайшей и органов самоуправления [45, 59–69].

Статья Б.В. Базарова, С.Ю. Даржаева «Бурятские степные думы» начинается с обзора
правительственных актов по системе управления инородцами Сибири на примере Бурятии. «В
начале XIX в. проникновение торгово-промышленного капитала в места проживания бурят-
ского этноса – подчеркивают авторы, – рост товарно-денежных отношений, необходимость
приобретения ремесленных и заводских изделий для хозяйственного и домашнего обихода,
вытеснение натурального ясака денежным – все это способствовало вхождению бурятского
хозяйства в рынок и требовало перестройки системы управления». Принятый в 1822 г. «Устав»
обобщил и систематизировал все элементы системы новой административной власти, согласно
которой были выработаны новшества местного самоуправления и выборности должностей
«инородческих родоначальников». То же самое происходило и в Якутии. Превосходящим нас
отличием было то, что «Устав» по распоряжению генерал-губернатора А.С. Лавинского стали
переводить на бурятский язык. в Бурятии было создано 12 Степных Дум, которые делились
на инородные управы, тем в свою очередь подчинялись родовые управления. Таким образом,

было введено «единообразие», по тогдашней терминологии, в системе управления Восточной Сибири. Они были образованы не одновременно, а с 1822 по 1839 гг. Однако, к концу XIX в. сложилась тенденция, связанная с внутривластным курсом правительства, направленным на изменение организации управления народами Сибири, подчинение их единому законодательству, усиление национального гнета в период империализма, выразившееся в упразднении национальных органов самоуправления. Подробно освещается административная деятельность Степных Дум. При этом внимание исследователей акцентируется на «отсутствие у правительства четкой программы реализации намеченных целей», которое «порождало не только множество противоречивых предложений». Со своей стороны отметим, что в Якутии, в результате сотрудничества областной администрации и Степной Думы, были выработаны «Правила для единообразного учреждения порядка по управлению в родовых и инородных управлениях Якутского округа» по реализации положений «Устава», что самым позитивным образом отразилось на деятельности Думы. Особо подчеркивается распространение ламаизма, в первой половине XIX в., как олицетворения национального самосознания и культуры, которое стало возможным в результате внедрения лояльного, в отношении религии, «Устава». Вместе со Степными Думами буддийское духовенство участвовало в разрешении вопросов об управлении и суде в бурятских ведомствах, в кодификации обычного права. в статье рассматривается и хозяйственная деятельность Думы: развитие скотоводства, земледелия, извозного промысла, деятельности ярмарок и т. д. в итоге авторы приходят к выводу о том, «что деятельность Степных Дум позволила сохранить традиционный образ жизни, уникальную этнокультуру, религию, кочевое хозяйство и в то же время приобщить бурят к российской государственности, культуре, новым формам хозяйствования».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.